

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1965.4.05>

Ю. СЕЛИРАНД

КУРГАНЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ В ЗАПАДНОМ ПРИЧУДЬЕ

Начиная с середины I тысячелетия в восточных районах Эстонии появляется новый тип погребальных памятников — курганные могильники. Наибольшее количество их сосредоточено в юго-восточной части Эстонии, но некоторые курганные группы встречаются и севернее, на западном побережье Чудского озера.¹

До сих пор исследователи уделяли внимание главным образом курганным могильникам юго-восточной Эстонии, связывая их с проникновением сюда кривичей.² Относительно же курганов, расположенных на западном побережье Чудского озера, было высказано мнение, что они не связаны непосредственно с курганами юго-восточной Эстонии, отмечались лишь в связи с восточным побережьем Чудского озера, откуда этот тип могильников во второй половине I тысячелетия н. э. был перенесен пришельцами из водских племен.³ Результаты археологических раскопок, проведенных автором настоящей статьи в последние годы на курганных могильниках Западного Причудья, дают нам возможность теперь более детально рассматривать вопрос об этнической принадлежности этих курганов.

К северу от р. Эмайыги в нынешнем Тартуском районе были расположены три группы курганов: у деревень Кооза, Саваствере и Кокора (рис. 1). В дер. Кооза, на земле бывш. хутора Пеэду вблизи р. Каргая имелось 12 круглых курганов, часть из которых у подножия была окружена каменным венцом. Эти курганы уже давно разрушены.⁴ В Саваствере группа курганов находилась на гряде между р. Куузе и оз. Кунингвере. Из них большинство также уничтожено, так что А. Вассар, предпринявший там в 1935—1936 гг. раскопки, смог исследовать только одну круглую насыпь.⁵ В те же годы под руководством А. Вассара был раскопан еще один круглый

¹ О распространении курганов второй половины I тысячелетия см. Х. А. и А. Х. Моора, К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики. «Советская этнография» 1960, № 3, рис. 5.

² Подробнее о курганах юго-восточной Эстонии см. Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. В сб. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 124—128; V. Trummal, Slaavi-vene elemendid Kagu-Eesti materiaalses kultuuris (kuni XIII sajandi alguseni). Вопросы истории Эстонской ССР. Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 87. Тарту, 1960, стр. 3—9; M. Schmiedehelm, I aastatuhandest pärinevad kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis В сб. Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo. Toimetanud H. Moora ja L. Jaanits. Tallinn, 1965, стр. 17—62.

³ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа, стр. 125; Х. А. и А. Х. Моора, К вопросу об историко-культурных подобластях, стр. 30; А. Моора, Peipsimaa etnilisest ajaloo. Tallinn, 1964, стр. 284; H. ja A. Moora, Lisandeid vadjalaste ja isurite etnilisele ajaloole. Etnograafiamuuseumi aastaraamat, XIX. Tartu, 1964, стр. 189, 190; Х. А. и А. Х. Моора, Из этнической истории води и ижоры. В сб. Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo, стр. 65.

⁴ Eesti. Maadeteadusline, tulundusline ja ajalooline kirjeldus I. Tartumaa. Toimetused: J. Rumma, J. G. Granö, J. V. Veski. Tartu, 1925, стр. 199.

⁵ Отчеты о раскопках хранятся в Институте истории АН Эстонской ССР (в дальнейшем ИИ).

курган из тех, что сохранились на территории бывш. мызы Кокора на берегу оз. Мустъярв.⁶

Примерно на расстоянии 12 км к северо-западу от Кокораских курганов известны 4 группы курганов, которые были расположены вдоль долины р. Кязпа. Это курган-

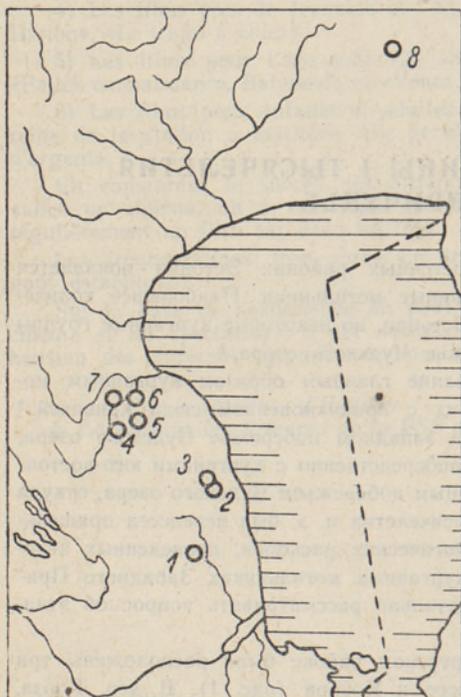


Рис. 1. Распространение курганов второй половины I тысячелетия в западном и северном Причудье. 1 — Кооза, Тартуский р-н; 2 — Саваствере, Тартуский р-н; 3 — Кокора, Тартуский р-н; 4 — Наутрази, Йыгеваский р-н; 5 — Аллику, Йыгеваский р-н; 6 — Козе, Йыгеваский р-н; 7 — Рускавере, Йыгеваский р-н; 8 — Кивинимме, Кохтла-Ярвский р-н.

ные могильники у деревень Наутрази и Рускавере, в лесу у Козе и близ бывш. мызы Аллику — все в пределах Йыгеваского района (рис. 1). Из курганной группы в Наутрази сохранилось два круглых кургана, а курганы в Рускавере и Аллику разрушены; по дошедшим до нас сведениям они также были круглыми.⁷ В Козеском лесу, где в 1959, 1961 и 1963 гг. под руководством автора настоящей статьи были проведены раскопки, на правом берегу реки Кязпа, примерно 500 м южнее ее и бывшего хутора Вийдиксе

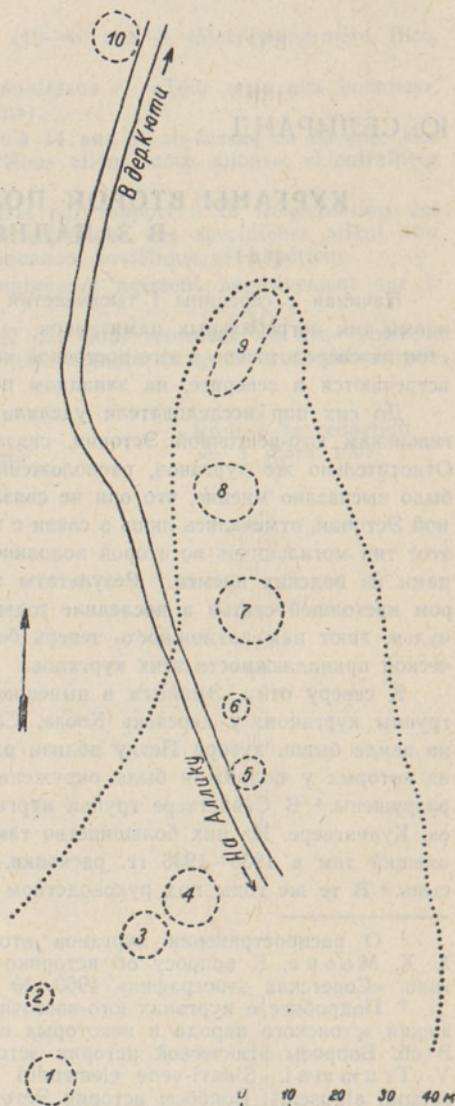


Рис. 2. Курганый могильник в Козеском лесу.

⁶ Отчеты о раскопках хранятся в ИИ.

⁷ A. Tiitsmaa, Kodavere kihelkond. 1921, стр. 16, 31; его же, Maarja-Magdaleena kihelkond. 1921, стр. 39, 41 (рукописи в ИИ).

(дер. Кюти), примерно в направлении с севера на юг тянется небольшая гряда высотой до 2 м, заросшая в настоящее время сосновым лесом.⁸ Ее пересекает лесная дорога, ведущая из дер. Кюти на Аллику. В северной части этой гряды, параллельно реке расположено 10 курганов — в том числе 9 круглых и один длинный (рис. 2).⁹

Еще севернее, в Кохтла-Ярвеском районе, известен один длинный курган на территории лесничества Кивинымме (рис. 1), который был исследован автором в 1963 году.¹⁰ В отличие от предыдущих могильников этот курган находится на известном расстоянии от рек и озер.

Для курганных могильников западного побережья Чудского озера, таким образом, является характерным их расположение на побережье какого-либо водоема — реки или озера, причем наряду с круглыми курганами встречаются длинные. Такое же расположение характерно и для курганов юго-восточной Эстонии, где они тянутся группами вдоль рр. Выханду, Ахья, Пиуза и других, и на песчаных террасах Псковского озера.¹¹ На Псковщине и Смоленщине курганы кривичей обычно тоже расположены вдоль берегов рек и озер; в одну и ту же группу входят обычно как круглые, так и длинные насыпи.¹² Иногда курганные могильники могут находиться и сравнительно далеко от водоемов. Например, на восточном побережье Псковского озера большая группа курганов в урочище «Совий бор» расположена в 6 км от самого озера.¹³

Так как из курганных могильников западного побережья Чудского озера наибольшее количество данных мы имеем о курганах в Коже, то на них мы и остановимся подробнее.

Первые сведения о курганах в Козеском лесу были получены при археологической разведке, произведенной в 1921 г. в окрестностях Кодавере.¹⁴ По данным разведки, в названном лесу было 8 курганов, местные жители называли их *Kabelimäed* («Могильные бугры»)¹⁵. При поисках, проведенных здесь когда-то кладоискателями, в одном из курганов якобы был обнаружен глиняный горшок, наполненный монетами. Некоторые местные жители рассказывали автору, будто бы курганы являются остатками оснований, на которых когда-то стояли пушки шведов. Можно предполагать, что в свое время народ знал эти погребальные памятники и под названием *kääpad* (курганы).¹⁶

Как уже сказано, курганы были круглыми за исключением удлиненного кургана № 9 (рис. 2). Высота курганных насыпей № 1, 3 и 4 достигала в среднем 1,5, курга-

⁸ Отчеты о раскопках хранятся в ИИ.

⁹ Надо отметить, что р. Кяэпа получила свое название, видимо, от курганных могильников, сосредоточенных около ее долины. Слово *kääbas* (= курган) балтийского происхождения и воспринято эстонским языком давно. (П. А. Аристэ, Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. В сб. Вопросы этнической истории эстонского народа, стр. 13). Х. Моора обратил внимание автора на то, что слово *kääbas* первоначально означало «мертвого», а позже стало применяться в значении могильника, и что в северо-восточной Эстонии еще в наши дни этим словом обозначаются могильники разных видов. Соответственно этому можно и название р. Кяэпа истолковать как «реку мертвых» или «реку курганов» (могильников).

¹⁰ Отчет о раскопках хранится в ИИ. В том же районе известно и несколько курганных групп иного характера, относящихся ко II тысячелетию.

¹¹ V. Trummal, Slaavi-vene elemendid, стр. 6.

¹² С. А. Тараканова, Длинные и удлиненные курганы. «Советская археология» (= СА), XIX, М., 1954, стр. 93; Е. А. Шмидт, Раскопки длинных курганов в Смоленской области. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (= КСИИМК), вып. 54. М., 1954, стр. 147; его же, Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе. СА, 1958, № 3, стр. 162.

¹³ С. А. Тараканова, Псковские курганы с трупосожжением. КСИИМК, вып. XXXVI. М., 1951, стр. 148.

¹⁴ A. Tiitsmaa, Kodavere, стр. 10—13.

¹⁵ При разведке остались незамеченными сильно разрушенный курган № 2 и очень низкий курган № 10. Последний находится, между прочим, вне названной гряды.

¹⁶ См. сноску 9.

нов № 7 и 8 — больше 2, а кургана № 9 — 1,2 м. Эти курганы были окружены отчетливо заметным ровиком. Четыре кургана (№ 2, 5, 6, 10) имели очень низкие насыпи, которые едва возвышались над окружающей их поверхностью земли. Эти курганы уступают остальным также в своем диаметре, а окружавшие их когда-то ровики были едва заметны. Девять курганов частью разрушены кладонскательскими ямами; нетронутым оказался только курган № 6.

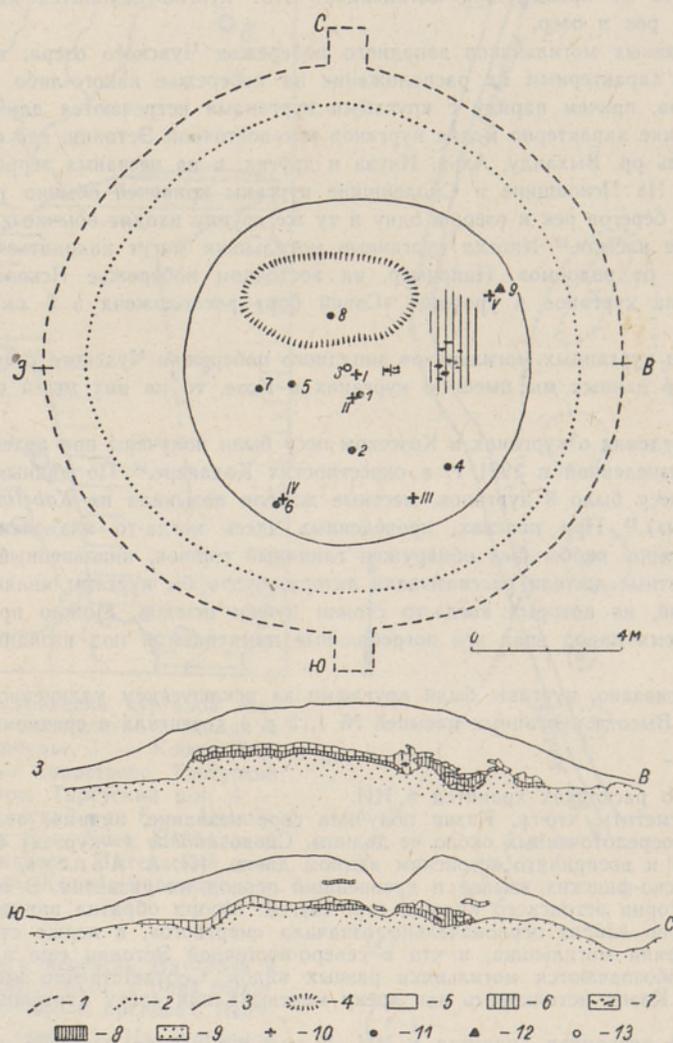


Рис. 3. Курган № 7 в Козе. 1 — граница раскопа; 2 — подножие кургана; 3 — первоначальная граница кургана; 4 — граница кладонскательской ямы; 5 — желтый перемешанный песок; 6 — зольная прослойка; 7 — угли; 8 — прослойка перегорелого песка; 9 — материковый песок; 10 — трупосожжение; 11 — глиняный сосуд или черепки таких сосудов; 12 — железный предмет; 13 — каменное кресало.

В 1959, 1961 и 1963 гг. было исследовано 6 курганов: на снос были раскопаны курганы № 5, 6 и 7, а частично курганы № 1, 8 и 9.

Курган № 7 — самый большой — находился в средней части могильника (рис. 3 и табл. I:1). Высота насыпи достигала 2,25 м, считая со дна ровика,



1 — Курган № 7 в Козе с северо-запада.



2 — Глиняный сосуд, перекрывавший пережженные кости.



1 — Курган № 5 в Козе с северо-запада.



2 — Трупосожжение с маленькими глиняными сосудами в кургане № 5 в Козе.

диаметр — 13 м. Окружавший его у подножия ровик имел ширину до 2 м и глубину в среднем 0,75 м. Первоначально насыпь была выше, а диаметр кургана меньше. Насыпь с течением времени сползла, ровик заровнялся, и курган у основания расширился.¹⁷ Основание кургана увеличивалось уже во время его воздвигания тем, что в начале брали песок для насыпи ближе к середине кургана, а потом подальше, как это показывает сечение нашего кургана (рис. 3). В северной части насыпь была повреждена ямой, вся остальная поверхность кургана была покрыта дерновым слоем толщиной в среднем 10—15 см.

Насыпь состояла из перемешанного желтого песка, в котором уже на глубине 20 см встречались некоторые зольные пятна с мелкими угольками. Примерно на глубине 1,25 м от вершины кургана проходила зольная прослойка толщиной в среднем 10—15 см. Судя по зольной прослойке в основании кургана, диаметр его был первоначально около 9,5 м. В восточной части насыпи были обнаружены две ямы, заполненные большим количеством золы и угля. Песок под зольной прослойкой частично был горелым. Под ним по всему основанию кургана залегал материковый песок.

Курган содержал 5 трупосожжений. Погребения № 1, 3 и 5 представляли собой кучки кальцинированных костей. Погребение № 1 диаметром 0,5 и 0,6 м находилось в насыпи, выше зольной прослойки, на глубине 0,75—0,86 м; при нем было найдено блоковидное кресало (рис. 5:2). Погребение № 3 представляло собой кучку пережженных костей диаметром 0,3 м и располагалось на глубине 1,5 м. Погребение № 5 диаметром 0,3 м было обнаружено на глубине 1,9 м; около него был найден железный предмет неизвестного назначения (рис. 5:3). Оба погребения находились в ямках, углубленных в материк под зольной прослойкой.

Остатки трупосожжения № 2 находились на глубине 0,95 м и были покрыты большим горшком (табл. 1:2). Погребение № 4 обнаружено на глубине 0,8 м; оно содержало много пережженных костей и черепок глиняного сосуда.¹⁸ Видимо и это было урновое погребение, но в каком положении урна находилась первоначально, остается неясным. Кроме погребений в этом кургане было найдено несколько черепков грубой лепной глиняной посуды.¹⁹

Таким же, в основном, оказалось строение курганов № 1 и 8. Своими размерами первый был меньше кургана № 7 (высота 1,5, диаметр 10 м), погребений в нем не оказалось. Курган № 8 аналогичен кургану № 7, но сильно разрушен. Раскопан был лишь его юго-восточный сектор, где найдено значительное количество черепков больших глиняных сосудов и остатки пережженных человеческих костей.²⁰

Из низких курганов остановимся подробнее на кургане № 5 (рис. 4, табл. II:1). Его высота достигала 0,4, диаметр 7 м. В основании залежала зольная прослойка толщиной 10—15 см, судя по которой диаметр кургана первоначально достигал 4,5—5,25 м. Насыпь была окружена неглубоким ровиком, который выровнялся с течением времени. В северо-восточном секторе кургана обнаружилось темное пятно, содержавшее золу и угольки; такое же пятно, но меньших размеров, находилось немного восточнее средней части кургана.

В средней части кургана было обнаружено одно погребение. Пережженные кости находились на глубине 0,5—0,8 м в ямке диаметром 0,4 м, углубленной в материк под зольной прослойкой. Там же находилось два глиняных сосуда, из которых один был поврежден. Сохранившийся целым сосуд стоял отвесно, а разбитый немного наклонился на бок (табл. II:2).

Сходным с предыдущим оказался и курган № 6 (высота 0,45, диаметр 7 м), в котором были найдены два трупосожжения в ямках, углубленных в материк.

¹⁷ То же самое явление было замечено и в других местах, например у длинных курганов Смоленщины. (Е. А. Шмидт, Раскопки длинных курганов, стр. 149).

¹⁸ ИИ 4254: VII, 6.

¹⁹ ИИ 4254: VII, 2, 4, 5, 7, 8.

²⁰ ИИ 4254: VIII, 1, 2.

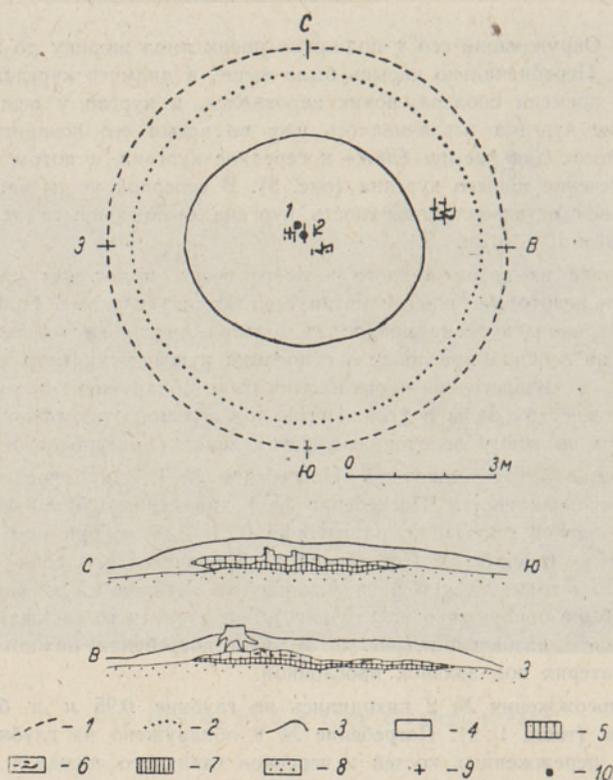


Рис. 4. Курган № 5 в Коже. 1 — граница раскопа; 2 — подножие кургана; 3 — первоначальная граница кургана; 4 — желтый перемешанный песок; 5 — зольная прослойка; 6 — угли; 7 — прослойка перегорелого песка; 8 — материковый песок; 9 — трупосожжение; 10 — глиняный сосуд.

Курган № 9 был расположен в северной части могильника (рис. 2). Длина насыпи 26, ширина 8, высота 1,2 м. Так как курган был сильно разрушен, его раскопали только частично: на южном конце кургана была вскрыта площадь в 12 м², в середине его была проведена поперечная траншея шириной 2 и длиной 11,5 м. В этом кургане, как и в других, обнаружена зольная прослойка, она имела толщину до 15 см и залегала на глубине 0,37 м. В южном раскопе под этой прослойкой оказались два трупосожжения. Около них были найдены более поздние детские труположения, которые располагались двумя группами: в одной могильной яме на глубине 0,62—0,75 м лежало шесть скелетов, в другой на глубине 0,84 м — два скелета. Умершие были похоронены, видимо, по христианскому обычаю головой на запад, в вытянутом положении; никаких предметов у скелетов не обнаружено. Измерения и произведенные вычисления показали, что черепной указатель соответствующих взрослых людей мог быть 75—76 и что эти черепа принадлежали, таким образом, среднеголовому антропологическому типу, характерному для восточной и для населения юго-восточной Эстонии. Лицевой указатель соответствующих взрослых мог быть 56—53, т. е. черепа были лептэнными; узкое лицо свойственно славянам.²¹

Ход возникновения Козеских курганов представляется нам следующим. Прежде всего расчищалось предназначенное для кургана место, причем, по-видимому, уда-

²¹ Автор выражает глубокую благодарность кандидату биологических наук К. Марк за предоставленные ею антропологические данные.

лялся и дерновый слой. После этого для очищения поверхности разводился огонь, вследствие чего и образовалась перемешанная с золой и углем песчаная прослойка в основании кургана. Иногда на уровне основания кургана разводились и более крупные ритуальные костры, следы которых сохранились в виде двух заполненных углестым черным песком ям под насыпью кургана № 7. Погребения совершались по обряду трупосожжения. Кальцинированные кости помещались либо в ямку, выкопанную в основании кургана, либо погребались в насыпи; иногда кости перекрывались глиняным сосудом.²² Погребения в насыпи, по-видимому, являются более поздними по сравнению с ямными погребениями под насыпью. Песок для насыпи брали тут же, на краю кургана, сначала поближе к центру, а потом, когда песок насыпи уже стал сползать в ровик, последний расширяли все дальше от центра.

К курганам Козеского леса примыкают по своему общему характеру и остальные курганные могильники, расположенные на западном побережье Чудского озера. Курганы в Кокора и Саваствере имеют ту же конструкцию, что и Козеские. Это круглые курганы диаметром 12 и 8,5 м, высотой 1,25 и 0,7 м. В основании также зольная прослойка, но ни погребений, ни вещей в них обнаружено не было. Подобные пустые насыпи встречаются довольно часто в курганных могильниках восточнее Псковского и Чудского озер, по нижнему течению р. Великой, в бассейне р. Западной Двины, в верховьях Ловати и в других местах. Особенно характерны насыпи без захоронений для кривичских псковских курганов.²³ Некоторые археологи рассматривали пустые курганы как кенотафы, однако характер этих курганов остается пока не ясным.²⁴

От этих курганов в некоторой мере отличается по своему устройству длинный курган в Кивинимме на северном побережье Чудского озера. Длина его 17,2, ширина до 9, высота — 1 м. Курган обведен ровиком шириной до 2,2 и глубиной 0,42 м. Курган сильно разрушен кладонскателями,²⁵ поэтому раскопки велись лишь на его юго-восточном конце. Насыпь состояла из красновато-желтого песка, в основании насыпи на глубине 0,75 м была вскрыта прослойка из белого песка толщиной 10—15 см. Под этой прослойкой шел материковый песок.

Об остальных курганных группах Западного Причудья более точные данные отсутствуют. Только о курганах в Аликку известно, что и там встречались трупосожжения в глиняных сосудах.²⁶

Курганы Западного Причудья своим строением и погребальным обрядом сходны с курганами второй половины I тысячелетия, которые известны в юго-восточной Эстонии. Для этих курганов характерно наличие в их основании зольно-угольной прослойки. Курганы содержат трупосожжения в виде кучек костей, захороненных либо в погребальных ямках, выкопанных в материке, либо в самой насыпи. Урновые погребения содержат курганные могильники в Линдора, Лоози и Тамме (Вырусский район).

Курганы Западного Причудья своим строением и погребальным обрядом сходны с курганами кривичей,²⁷ особенно псковско-гдовской группы, отличительной чертой

²² Можно полагать, что и найденный кладонскателями и упомянутый выше глиняный сосуд содержал остатки трупосожжения, но остается неизвестным, из какого именно кургана этот сосуд происходит.

²³ С. А. Тараканова, Себежские городища и курганы. Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. I. М., 1959, стр. 122, 127.

²⁴ См. там же.

²⁵ По преданию в кургане похоронен со всем своим имуществом герой эстонского народного эпоса — Калевипоэг (народное название кургана — «Могила Калевипоэга»).

²⁶ Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1893. Dorpat, 1894, стр. 128.

²⁷ О кривичских курганах см. В. В. Седов, Кривичи. СА, 1960, № 1, стр. 47—62; С. А. Тараканова, Псковские курганы, стр. 141—154; ее же, Длинные и удлиненные курганы, стр. 77—110; ее же, Себежские городища и курганы, стр. 117—127; Е. А. Шмидт, Раскопки длинных курганов, стр. 147—152; его же, Длинные курганы у дер. Цурковки, стр. 162—169; Я. В. Станкевич, К истории населения Верхнего Подвьяния в I и начале II тысячелетия н. э. Материалы и исследования по археологии СССР, № 76. М.-Л., 1960, стр. 95—131.

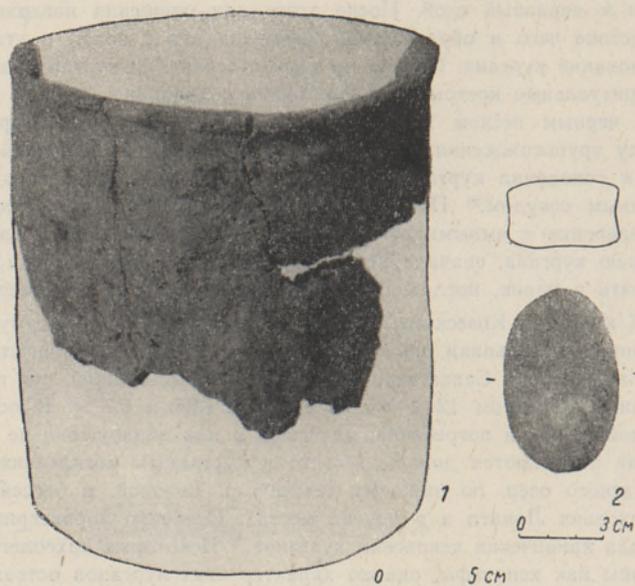
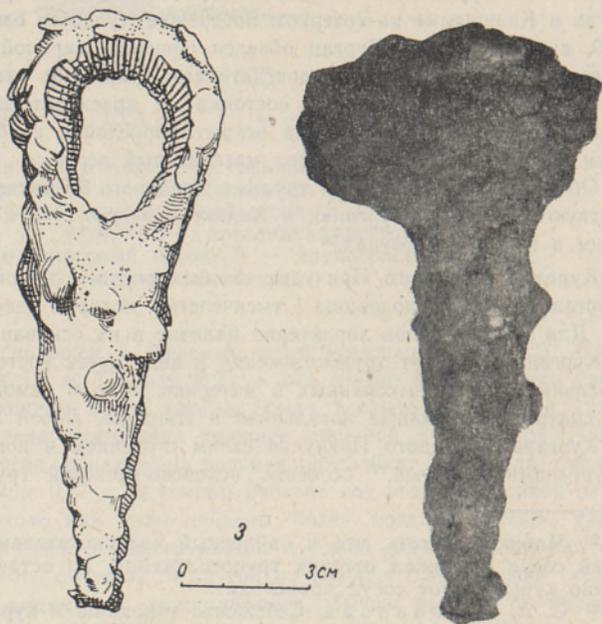


Рис. 5. Предметы из кургана № 7 в Козе: 1 — глиняный сосуд; 2 — каменное блоковидное кресало; 3 — железный предмет неизвестного назначения.



которых также является зольная прослойка в основании насыпей. В длинных курганах, расположенных на юго-запад от Псковского озера и в низовьях р. Великой, зольная прослойка иногда заменяется прослойкой белого песка, подобно тому, как мы это видели в нашем кургане в Кивинимме. В смоленских курганах зольные прослойки и прослойки из белого песка отсутствуют, но ритуальные кострища, подобные обнаруженным в Козеском кургане № 7, встречаются также в длинных и круглых курганах в окрестностях Смоленска и Полоцка. Такое же разнообразие в формах погребений, как в курганах Западного Причудья, прослеживается и в кривичских курганах, расположенных по рр. Великой и Каменке, на восточном побережье Чуд-

ского озера, а также в длинных курганах Смоленщины. Здесь везде встречаются трупосожжения в углубленных в материк ямах, трупосожжения в насыпи и урновые погребения. В одном и том же кургане могут встречаться разные виды захоронений.

Курганы Западного Причудья очень бедны могильным инвентарем; некоторые предметы были обнаружены только в курганах Козеской группы. Большой сосуд желтоватого цвета грубой работы (рис. 5:1), найденный в кургане № 7, вылеплен из глины с примесью крупной дресвы. Стенки сосуда толщиной 1,4 см почти вертикальны, венчик прямой, дно плоское. Таким же большим плоскодонным, грубо вылепленным сосудам принадлежат и остальные черепки, найденные в курганах № 7 и 8:

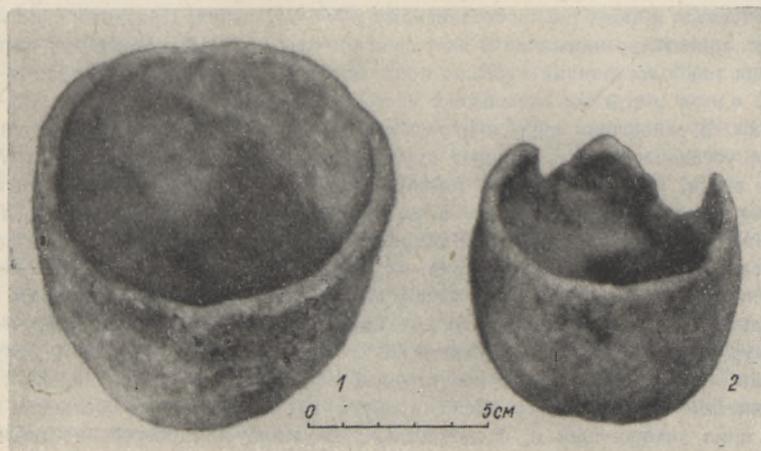


Рис. 6. Глиняные сосуды из кургана № 5 в Козе.

Оба сосуда из кургана № 5 небольшие по размеру (рис. 6). Они вылеплены из глиняного теста с примесью мелкого песка и дресвы. Толщина их стенок 0,7 и 0,4 см. Оба они плоскодонные, но различаются по форме: один имеет баночную форму и слегка суживается ко дну; стенки другого слегка выпуклы, шейка вертикальная.

Керамика из курганов Козеского леса в общем аналогична керамике, характерной для курганов второй половины I тысячелетия юго-восточной Эстонии и для кривичских курганов к востоку и югу от Псковского озера.²⁸

Каменное блоковидное кресало (рис. 5:2) изготовлено из серого кварцита и имеет овальную форму. В свое время по его боковому желобку проходила либо лента, либо кожаный ремешок для подвешивания к поясу. Подобные каменные кресала имели в V—VII веках широкое распространение в странах, окружающих Балтийское море.²⁹ Большинство кресал, известных в Эстонии, представляют собой случайные находки. Эти кресала происходят главным образом из юго-восточной Эстонии, с западного побережья Чудского озера и из бассейна р. Пяну. В курганах кресала найдены в Линдора и Лоози, встречаются они также в эстонских каменных могильниках (напр., Лылыла Пайдеского района, Вереви Тартуского района, Куура Раквереского

²⁸ Например, из курганов в Линдора и Лоози Вырусского района. M. Schmiehelm, I aastatuhandest pärinevad kääbaskalmistud, стр. 40 и табл. V, VI; Я. В. Станкевич, К истории Верхнего Подвинья, рис. 83 и 84: 2.

²⁹ Н. Моога, Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. II. Teil: Analyse. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, XXIX. Tartu, 1938, стр. 572. Восточнее Чудского озера найдены некоторые такие кресала, например, в Пскове и на городище Камно. (Г. П. Гроздилов, Раскопки древнего Пскова. Археологический сборник, Славянские древности, вып. 4. Л., 1962, рис. 50:3; С. А. Тараканова, Псковские городища. КСИИМК, вып. 62, 1965, стр. 40).

района).³⁰ Каменные кресала часто встречаются в могильниках восточнобалтийских племен и их наличие в инвентаре курганных могильников кривичей приходится считать балтийской чертой. Это вполне закономерное явление, если принять во внимание, что согласно новейшим исследованиям в состав кривичских племен вошли и некоторые балтийские элементы.³¹

Железное орудие из Козеского кургана № 7 (рис. 5:3) имеет обух, напоминая этим топор, но вместо лезвия у него длинное острие, конец которого, по-видимому, притупился. Назначение этого орудия остается пока не известным.

Скудность могильного инвентаря затрудняет датировку курганов Западного Причудья. Единственным датирующим предметом является кресало из Козеских курганов, которое относится к типу, распространенному в V—VII веках. При датировке курганов необходимо принять во внимание и их различное строение. На территории юго-восточной Эстонии наиболее ранние курганы появляются, как известно, примерно в V веке, причем, на одном и том же могильнике часто представлены как длинные, так и круглые курганы. В отношении курганов, расположенных к востоку от Чудского и Псковского озер, установлено, что длинные курганы возводились здесь до конца VIII или начала IX веков. В IX веке имело место и некоторое видоизменение круглых курганов, размеры которых уменьшились и которые стали теперь использоваться только для индивидуальных погребений.³² Ввиду сходства Козеских курганов по конструкции с курганами юго-восточной Эстонии, их можно считать, в общем, более или менее одновременными. На деле все же кажется, что Козеские курганы относятся к немного более позднему времени. На основании вышесказанного можно полагать, что и небольшие курганы Козеского могильника (№ 2, 5, 6, 10) относятся к IX веку, тогда как длинный курган (№ 9) и более крупные круглые курганы (№ 1, 3, 4, 7 и 8) следует считать более ранними. Если принять во внимание, что большие курганы содержат мало захоронений и, следовательно, служили для погребения не особенно долго, приходится допустить, что курганы в Козеском лесу были насыпаны не позже VII века. К этому времени может относиться и найденное в одной из насыпей каменное кресало. Скелеты, найденные в кургане № 9, относятся, по всей вероятности, к II тысячелетию н. э., так как умершие были погребены по христианскому обычаю. Остальные курганы Западного Причудья можно считать одновременными с Козескими.

Курганы Западного Причудья сходны с курганами кривичей также по скудности могильного инвентаря. Исследователь смоленских курганов Е. Шмидт высказал мнение, что причиной этого является сжигание трупов вне курганов, вследствие чего в курганы попадала только часть вещей, так как не все вещи подбирались с костра.³³ Все же кажется, что в данном случае это явление связано с определенным погребальным обрядом. Эстонские племена также сжигали умерших вне могильника, несмотря на это, в первой половине I тысячелетия и в начале II тысячелетия их погребения сопровождал сравнительно обильный могильный инвентарь; в погребениях же второй половины I тысячелетия находки встречаются редко.

Попытаемся теперь ответить на вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего курганные могильники Западного Причудья. Правильно ли считать эти курганы водскими и можно ли согласиться с мнением, что этот тип погребальных памятников был во второй половине I тысячелетия принесен сюда водскими пришельцами?

³⁰ Х. А. Моора, Археологические раскопки в Эстонской ССР в 1951 и 1952 гг. КСИИМК, вып. 55, 1954, рис. 15:2; ИИ 1746; 2597:8, 10 (два обломка одного и того же кресала); 2817:140; 3404:3.

³¹ В. В. Седов, Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси. СА, 1961, № 2, стр. 107—109.

³² В. В. Седов, Кривичи, стр. 49, 62. V. Tugimäe, Slaavi-vene elemendid, стр. 17.

³³ Е. А. Шмидт, Длинные курганы у дер. Цурковки, стр. 166.

Из вышеприведенного следует, что курганы Западного Причудья имеют большое сходство с курганами кривичей как по своему расположению, так и по строению и погребальному обряду. При этом надо подчеркнуть еще одно обстоятельство. В то время, когда в Козеском лесу стали возникать курганы, водские племена своих умерших в курганах еще не хоронили. Согласно В. Седову, курганы VI—IX веков в Восточном Причудье принадлежали кривичам; еще в IX—X веках погребальными памятниками воды, по-видимому, были трупосожжения с каменной обкладкой или вымосткой на поверхности типа изварско-лисинских. Курганные могильники появляются у воды только в XI веке.³⁴ Это лишний раз подтверждает, что курганы Западного Причудья принадлежали кривичским переселенцам.

Если обратиться к лингвистическим данным, то они, правда, свидетельствуют прежде всего о наличии в местном восточном, или кодаверском, диалекте эстонского языка значительных водских элементов.³⁵ Но нам известен и один славянский топоним — *Omedu* («Омеду»). Деревня этого названия находится на берегу Чудского озера 6—7 км восточнее Козеских курганов. Река Кяэпа является притоком реки Омеду. Как считают языковеды, название «Омеду» связано с русским словом «омуть».³⁶ В архивных источниках это название появляется первый раз в 1599 г. в так называемой польской ревизии, где эта деревня называется *Omuhi*. В материалах шведской ревизии 1601 г. она имеет уже другое название, а именно *Omatto*. Слово «омуть» происходит из псковского говора.³⁷ Хотя заселение западного побережья Чудского озера русскими поселенцами происходило позднее, в основном в XVI—XVII вв., однако, как показывает этот топоним, заимствованный из псковского говора, здесь могли существовать и раньше поселения кривичей. Число этих ранних переселенцев, видимо, не было особенно велико, поэтому они не могли оказать на образование местного кодаверского диалекта такое влияние, какое они оказали на образование вырусского диалекта в юго-восточной Эстонии.

Вопрос об определении этнической принадлежности скелетов из Козеского кургана № 9 пока остается открытым. Учитывая то обстоятельство, что у славянских племен уже в конце I и в начале II тысячелетия был распространен обычай хоронить мертвых головой на запад,³⁸ можно предполагать, что в данном случае мы имеем дело с труположениями кривичей. Судя по тому, что в XII—XIII вв. на западное побережье Чудского озера проникают водско-русские переселенцы, то не исключено, что эти погребения принадлежат водским элементам. Так как водские племена к этому времени переняли от кривичей обычай хоронить умерших в курганах, то не исключена возможность, что и они хоронили своих мертвых в ранее сооруженных курганах.

Археологические раскопки дали интересный материал, позволяющий утверждать, что курганные могильники второй половины I тысячелетия н. э. Западного Причудья сооружены кривичскими пришельцами. Возможно, что кривичи проникли в окрестности Кодавере водным путем с восточного побережья Чудского озера, где к этому

³⁴ В. В. Седов, Этнический состав северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). СА, XVIII. М., 1953, стр. 207, 210—211 и рис. 5, 6. Надо отметить, что смешение водского населения со славянскими пришельцами представляет собой длительный процесс, который продолжался еще в XIX веке. Так Хр. Х. Ю. Шлегель отметил в 1815 г., что на территории между Гдовом и Замогильем находились еще финно-русские села смешанного характера. (Chr. H. J. Schlegel, Reise von St. Petersburg nach dem Pleskowschen Gouvernement im Monat Julius 1815. Meiningen, 1831, стр. 37).

³⁵ По лингвистическим вопросам меня консультировал кандидат филологических наук В. Палль, за что приношу ему благодарность. Как отмечает П. Аристе, водские элементы в кодаверском диалекте происходят главным образом из X—XIV вв. См. P. Ariste, *Vadja kohanimesed*. В сб. *Slaavi-läänemeresoome*, стр. 92, 94.

³⁶ См. L. Kettunen, *Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen*. Suomalaisen Tiedekatemian Toimituksia, sarja B, nide 90, 1. Helsinki, 1955, стр. 326.

³⁷ См. В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. М., 1956.

³⁸ См. В. В. Седов, Следы восточнобалтийского погребального обряда, стр. 103.

времени граница распространения курганов доходит также далеко на север. Однако учитывая общую тенденцию расселения кривичей на север, кажется более вероятным, что они продвигались на западное побережье Чудского озера из юго-восточной Эстонии сухим путем, переходя через р. Эмайыги.

*Институт истории
Академии наук Эстонской ССР*

Поступила в редакцию
26/I 1965

J. SELIRAND

I AASTATUHANDE TEISE POOLDE KUULUVAD KÄAPAD PEIPSI LÄÄNERANNIKUL

Resümee

Põhiline osa slaavipärastest kääbaskalmistutest paikneb meie vabariigi kaguosas, kuid vähemal arvul leidub neid ka põhja pool Emajõe Peipsi järve lääne-, üks isegi põhjarannikul (joon. 1). 1959., 1961. ja 1963. aastal kaevati autori juhatusel kääpaid Kose metsas lõuna pool Kääpa jõe kõrgemal seljandikul Küti külast Allikule viiva metsatee ääres, umbes 500 m kaugusel jõest (joon. 2). Põhiplaanilt on 9 kääbast ümmargused ja üks (nr. 9) piklik, kusjuures iga kääbast ümbritseb kraav. Teistest väiksemad ja madalamad on kääpad nr. 2, 5, 6 ja 10. Terve oli ainult kääbas nr. 6, teisi olid kahjustanud aardeotsijad, kaevates neisse auke ja kraave. Tervikuna kaevati läbi kääpad nr. 5, 6, 7, osaliselt nr. 1, 8 ja 9.

Kääbas nr. 7 (tahv. I : 1) oli suurimaid, teda ümbritses kuni 2 m laiune ja 0,75 m sügavune kraav. Pildi kääpa ehitusest annab joonis 3. Kääpakuhjatise kõrgus oli siin 2,25 m, läbimõõt 13 m. Algselt on kuhjatis olnud kõrgem ja läbimõõt tuhakihi järgi otsustades ainult 9,5 m ümber. Kuhjatis koosnes kollasest liivast, 1,25 m sügavusel (servadel sügavamal) asus kääpa põhjal keskmiselt 15 sm paksune tuha- ja söeseguse liiva kiht, mille idaosas oli kaks suuremat, rohke söesisaldusega lohku. Selle kihi all oli põlenud liiva kiht ja siis puutumatu põhjaliiv. Kääpas avastatud viiest põletusmatusest olid kolm (nr. I, III, V) säilinud põletatud luude pesadena. Matus I paiknes kuhjatises 0,75—0,86 m sügavusel, tuha- ja söeseguse liiva kihist kõrgemal. Matus juurest leiti tuluskivi. Matused III ja V asusid põhjaliiva kaevatud lohkudes, vastavalt 1,5 ja 1,9 m sügavusel. Viimase juurest leiti mingi rauast tööriist. Matus II, mis avastati 0,95 m sügavusel, oli kaetud suure savinõuga (tahv. I : 2). Matus IV asus 0,8 m sügavusel ja oli samuti olnud savinõus, mis aga oli purunenud. Kääpast leiti veel mõned savinõude killud. Põhiliselt samasugune oli kääbaste nr. 1 ja 8 ehitus. Esimesest ei leitud midagi, viimases avastati savinõukildude vahelt segamini aetud põletusmatus.

Kääbas nr. 5 oli tunduvalt väiksem (tahv. II : 1 ja joon. 4). Kuhjatise kõrgus oli 0,4 m, läbimõõt 7 m, algselt arvatavasti 4,5—5,25 m. Kääpa keskosast leiti põhjaliiva süvendatud lohust üksainus põletusmatus ja selle juurest kaks väikest savinõu (tahv. II : 2). Samasugune oli kääbas nr. 6, milles põhjaliiva süvendatud lohkest leiti kaks põletusmatust.

Kääpas nr. 9 (pikkus 26 m, laius 8 m, kõrgus 1,2 m) asus 37 sm sügavusel tuha- ja söesegune liivakiht, mille alt leiti kaks põletusmatust ja kaks hauda 8 lapse luustikuga. Viimased lamased hauas selili, peaga lääne poole, panused puudusid.

Suur savinõu kääpast nr. 7 (joon. 5 : 1) on valmistatud käsitsi kivipurrurikkast savist ja nõrgalt põletatud. Samasugustest nõudest pärinevad ka ülejäänud killud nii sellest kui ka kääpast nr. 8. Kääpast nr. 5 leitud väikesed savinõud (joon. 6) on valmistatud käsitsi peenikese liivaga segatud savist. Savinõud Kose kääpaist sarnanevad neile, mis on leitud I aastatuhande teise poolde kuuluvatest kääbastest Kagu-Eestis ja ka kaugemalt ida poolt samaaegsetest krivitšite kääbastest. Hallist kvartsiidist tuluskivi (joon. 5 : 2) kuulub tüüpi, mis V—VII sajandil oli laialt levinud Läänemere ümbruse maades, eriti balti hõimude juures. Rauast eset (joon. 5 : 3) võib nähtavasti pidada tööriistaks, millele autor esialgu paralleelsele ei tea, samuti ei ole teada tema otstarve. Leiumaterjali ja matmisviisi järgi võib väita, et suuremad kääpad Kose metsas pärinevad VII—VIII sajandist, madalad IX sajandist, laibahaudad kuuluvad tõenäoliselt II aastatuhandesse.

1935. ja 1936. aastal A. Vassara juhatusel Savastveres läbikaevatud kaks kääbast sarnanesid Kose kääbastega, matuseid ja esemeid neis aga ei avastatud. 1963. aastal kaevati autori juhatusel pikka kääbast Kivinõmme metskonnas (Kohtla-Järve raj.), milles 0,75 m sügavusel tuha- ja söeseguse liivakihi asemel oli valge liiva kiht, kääpakujatise aga moodustas kõrgemal punakas liiv. Olejäänud kääbaste kohta puuduvad lähedamad andmed. On ainult teada, et Alliku kääbasteski esines savinõudes matuseid.

H. ja A. Moora arvamuse kohaselt pärineb see kalmetüüp vadja sisserändajailt, kes siia I aastatuhande teisel poolel saabusid järve idakaldalt. Oma arvamust põhjendavad nad peaausjalikult tõsiasiaga, et eesti keele ida- ehk kodavere murdes esineb tugevaid vadjapäraseid elemente. Kose metsas asuvate kääbaste kaevamine näitas, et need sarnanevad Kagu-Eesti kääbastega, mis kuuluvad krivitšitele. Samal ajal sarnanevad nad nii oma paiknemiselt, ehituselt kui ka matmisviisilt Pihkva ja Oudova ümbruses asuvate krivitšite kääbastega VI—IX sajandist. Krivitšitegi kääpad paiknevad piki jõgede ja järvede kaldaid; samuti on neile iseloomulik tuha- ja söesegune liivakiht, mida mõnikord asendab valge liiva kiht; põletusmatused asuvad kas maapinda kaevatud lohus või kääpakujatises, kõrgemal tuha- ja söesegusest liivakihist, neisse maeti ka savinõudes; matustes esineb vähe panuseid. Pealegi hakkasid vadjalased kääpaise matma alles XI sajandil.

Õeldut näib kinnitavat ka slaavipärane kohanimi Omedu. Sellenimeline küla asub Kose kääpait 6—7 km kaugusel Peipsi rannikul, Kääpa jõgi aga suubub Omedu jõkke. Kohanimi tuleneb venekeelsest sõnast «омуть», mis kuulub Pihkva murdesse. 1599. aasta Poola revisjonis esinebki küla nimi kujul *Omuth*, 1601. aasta Rootsi revisjonis aga kujul *Omatto*. Slaavi laenude vähesus kodavere murdes on seletatav sellega, et sisserännanud krivitšite hulk oli väike ega suutnud avaldada kohapeal sügavat mõju.

Leitud luustike antropoloogiline kuuluvus peab jääma lahtiseks. Kolju indeksi järgi kuuluvad nad keskpealise antropoloogilisse tüüpi nagu vadjalased ja Kagu-Eesti rahvastik, näo indeksi järgi aga on nad kitsanõolised, mis iseloomustab slaavi hõime.

Arheoloogilistel kaevamistel saadud andmed lubavad väita, et I aastatuhande teise poole kääpad Peipsi läänerannikul kuuluvad sisserännanud krivitšitele. Võimalik, et viimased tulid veeteed kaudu Peipsi idarannikult, kus kääbaste levikupiir jõuab sel ajal sama kaugele põhja. Tõenäolisem tundub siiski, et krivitšid jõudsid Peipsi läänerannikule Kagu-Eelist maismaad mööda.

Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut

Saabus toimetusse
26. I 1965

J. SELIRAND

Die Hügelgräber des westlichen Peipusgebietes der zweiten Hälfte des I. Jahrtausends

Zusammenfassung

Hügelgräber von slawischem Typus konzentrieren sich auf dem Gebiet der Estnischen SSR hauptsächlich in ihrem südlichen Teil; in geringerer Anzahl finden sie sich auch nördlich vom Fluss Emajõgi, im westlichen (eines sogar im nördlichen) Peipusgebiet (Abb. 1). In den Jahren 1959, 1961 und 1963 sind vom Verfasser mehrere Hügelgräber im Forstrevier Kose untersucht worden. Diese aus 10 Hügeln bestehende Grabanlage liegt auf einem sich in etwa nord-südlicher Richtung erstreckenden Höhenzug, etwa 500 m südlich vom Kääpa-Fluss an einem Waldwege, der vom Dorf Küti nach Alliku führt (Abb. 2). Neun von den genannten Hügeln haben runden Grundriss, einer (Nr. 9) ist länglich. Die Hügel sind von einem kleinen Graben umgeben. Die Hügel Nrn. 2, 5, 6 und 10 sind kleiner als die übrigen. Unberührt war bloss der Hügel Nr. 6, während die übrigen zum Teil durch Schatzgräberei zerstört waren. Vollständig ausgegraben wurden die Hügel Nrn. 5, 6 und 7, teilweise die Hügel Nrn. 1, 8 und 9.

Der Hügel Nr. 7 (Taf. I:1), einer der grössten, war von einem Graben von bis 2 m Breite und 0,75 m Tiefe umringt. Seine Konstruktion wird auf Abb. 3 veranschaulicht. Die Höhe des Hügels, vom Boden des Grabens gerechnet, betrug 2,25 m, sein Durchmesser 13 m. Ursprünglich war der Hügel höher gewesen, sein Durchmesser dagegen — nach der Ascheschicht zu urteilen — war bloss etwa 9,5 m. Die Aufschüttung bestand aus gelbem gemischtem Sand. In etwa 1,25 m Tiefe (an den Rändern tiefer) zog sich über den Boden des Hügels eine stark mit Asche und Kohlen untermengte Sandschicht von durchschnittlich 15 cm Stärke hin, in deren östlichem Teil sich zwei grössere, reichlich mit Kohlen angefüllte Gruben fanden. Darauf folgte eine Brand-

spuren enthaltende Sandschicht, darunter der gewachsene Sandboden. Von den im Hügel enthaltenen Brandgräbern bildeten drei (I, III, V) Knochenhäufchen. Das Knochenhäufchen I lag 0,75—0,86 m tief, oberhalb der Ascheschicht und enthielt einen Feuerschlagstein. Die Bestattungen III und V lagen in Gruben, die unter der Ascheschicht bis 1,5 und 1,9 m Tiefe in den gewachsenen Boden eingetieft waren. Das Brandgrab V enthielt ein Eisengerät.

Die gebrannten Knochen der II. Bestattung waren von einem grossen Tongefäss (Abb. 1 : 2) bedeckt; auch die Knochen des IV. Brandgrabs waren ursprünglich in einem später zerfallenen Tongefäss beigelegt.

Von grundsätzlich gleichem Bau waren auch die Hügelgräber Nrn. 1 und 8, von denen das erste leer war, während das zweite ein zerstörtes Brandgrab zwischen Tongefässscherben enthielt.

Der Hügel Nr. 5 (Taf. II : 1 und Abb. 4) war bedeutend kleiner als die vorigen. Die Höhe der Aufschüttung betrug 0,4 m, ihr Durchmesser — 7 m, ursprünglich jedoch bloss 4,5—5,25 m. Im Mittelpunkt des Hügels fand sich ein einziges Brandgrab in einer in den gewachsenen Boden eingelassenen Grube. Dazu gehörten 2 kleine Tongefässe. Von gleichem Aufbau war auch der Hügel Nr. 6, wo zwei Brandbestattungen in bodenvertieften Gruben zu Tage traten.

Im Hügel Nr. 9 (Länge 21 m, Breite 8 m, Höhe 1,2 m) lag die Ascheschicht 37 cm tief. Darunter fanden sich zwei Brandgräber und 8 Kinderskelette in zwei Gräbern. Die beigabenlosen Skelette lagen gestreut auf dem Rücken, mit dem Kopf nach Westen.

Das grosse Tongefäss (Abb. 5 : 1) aus Hügel Nr. 7 ist handgeformt, besteht aus Ton mit grobem Kies vermengt und ist schwach gebrannt. Von gleichartigen Gefässen stammen auch die übrigen Scherben aus den Hügeln Nrn. 7 und 8. Die kleinen Gefässe (Abb. 6) aus dem Hügel Nr. 5 sind ebenfalls mit der Hand geformt, doch enthält ihre Tonmasse Sand und feinen Kies. Die Gefässe aus den Hügelgräbern von Kose gleichen Gefässen, welche in Hügelgräbern der zweiten Hälfte des I. Jahrtausends sowohl in Südostestland als auch in den gleichzeitigen weiter östlich gelegenen Hügelgräbern der Kriwitschen zu Tage gekommen sind. Der Feuerschlagstein (Abb. 5 : 2) aus grauem Quarzit gehört einem Typus an, welcher im 5.—7. Jh. in allen Ländern um die Ostsee, besonders aber bei den baltischen Stämmen verbreitet war. Der Eisgegenstand (Abb. 5 : 3) ist wohl ein Werkzeug gewesen, zu dem Verfasser jedoch keine Parallelen kennt. Auch sein Zweck lässt sich nicht bestimmen. Auf Grund des Fundstoffes und der Bestattungsweise lassen sich die grösseren Hügelgräber im Walde von Kose ins 7.—8. Jh. und die kleinen, niedrigen Hügel ins 9. Jh. datieren. Die Skelettgräber gehören aller Wahrscheinlichkeit nach erst ins II. Jahrtausend.

Die beiden in den Jahren 1935 und 1936 von A. Vassar in Savastvere aufgedeckten Hügelgräber glichen in ihrem Aufbau denen von Kose, enthielten aber weder Bestattungen noch Beigaben. Im J. 1963 wurde vom Verfasser ein sogenannter «langer» Grabhügel im Forstrevier Kivinõmme (Bezirk Kohtla-Järve) untersucht, welcher in 0,75 m Tiefe statt der Ascheschicht eine Schicht weissen Sandes enthielt (die darüber befindliche Aufschüttung bestand aus rotem Sand). In betreff der übrigen Hügelgräbergruppen fehlen nähere Angaben. Es ist nur noch bekannt, dass sich auch in Alliku Urnengräber gefunden haben.

Nach der Meinung von H. und A. Moora stammen die Hügelgräber vom beschriebenen Typus im westlichen Küstengebiet des Peipussees von wotischen Einwanderern, welche in der zweiten Hälfte des I. Jahrtausends u. Z. vom Ostufer des Sees hierher gelangten. Ihre Ansicht unterstützen diese Wissenschaftler hauptsächlich durchs sprachwissenschaftlich begründete Argument, dass der östliche oder sog. Kodaveresche Dialekt der estnischen Sprache in bedeutendem Masse wotische Elemente enthält. Die Ausgrabungen der Hügelgräber in Kose zeigen jedoch, dass diese Grabanlagen vor allem den in Südostestland verbreiteten Hügelgräbern gleichen, welche, wie es allgemein angenommen wird, die Hinterlassenschaft der hier eingewanderten Kriwitschen bilden. Die Hügel des westlichen Peipusgebietes gleichen auch denen der Kriwitschen des Pskowschen und Gdowschen Gebietes sowohl durch ihre Lage, als auch durch ihren Aufbau und die Bestattungsart. Nämlich ziehen sich die Grabanlagen der Kriwitschen in der gleichen Weise längs Fluss- und Seeufern hin und sind ebenfalls durch eine Ascheschicht gekennzeichnet, die manchmal durch eine Schicht weissen Sandes ersetzt wurde; die Brandgräber befinden sich auch hier entweder in Gruben, in den gewachsenen Boden eingelassen, oder in der Aufschüttung oberhalb der Ascheschicht. Es kommen auch Urnengräber vor und die Bestattungen zeichnen sich durch die Spärlichkeit der Beigaben aus. Endlich gehören die Hügelgräber des 6.—9. Jahrhunderts des östlichen Peipusgebietes, von wo die Einwanderung in die Umgegend von Kodavere (an der Westküste des Peipussees) angenommen wird, nicht den Woten, sondern den Kriwitschen an. Die Woten begannen erst im 11. Jahrhundert, ihre Toten in Hügelgräbern zu bestatten.

Eine gewisse Bestätigung des Gesagten scheint auch der Ortsname slawischer Herkunft *Omedu* zu bieten. Ein diesen Namen tragendes Dorf befindet sich in 6—7 km Entfernung von den Koseschen Hügelgräbern am Ufer des Peipussees, auch ergiesst

sich der Kääpa-Fluss in den Omedu-Fluss. Dieser Ortsname ist von dem russischen Wort омутъ (tiefe Grube im Grund eines Flusses) abzuleiten, welches gerade aus der Pskowschen Mundart stammt. Im polnischen Revisionsakt von 1599 ist das Dorf unter dem Namen *Omuth* verzeichnet, im schwedischen Revisionsakt von 1601 trägt es den Namen *Omatto*. Wenngleich die Kodaveresche Mundart auch nur wenige slawische Lehnwörter aufzuweisen hat, so lässt es sich auch nicht anders erwarten, da die Anzahl der eingewanderten Kriwitschen zu gering war, um die Sprache in entscheidender Weise zu beeinflussen.

Die Frage nach der anthropologischen Zugehörigkeit der in Kose gefundenen Skelette muss offen bleiben. Nach dem Schädelindex gehören diese Skelette dem mittelschädelligen Typus an, welcher für die Woten und die Bevölkerung Ostestlands kennzeichnend ist. Dem Gesichtsinde zufolge sind die genannten Skelette schmalgesichtig, was den slawischen Stämmen eigen ist.

Die Ergebnisse der Ausgrabungen der Koseschen Hügel gestatten somit den Schluss, dass die Hügelgräber im westlichen Peipusgebiet in der zweiten Hälfte des I. Jahrtausends u. Z. von eingewanderten Kriwitschen angelegt worden sind. Es ist möglich, dass sie auf dem Wasserwege von der Ostküste des Sees hierher gelangten, wo sie zu jener Zeit bereits ebenso weit nach Norden vorgedrungen waren. Wahrscheinlicher ist jedoch, dass die Kriwitschen an die Westküste des Peipussees auf dem Landwege von Südostestland her kamen, indem sie den Fluss Emajögi überschritten.

Institut für Geschichtsforschung
der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR

Eingegangen
am 26. Jan. 1965